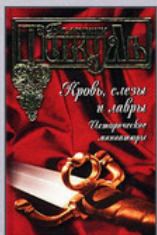

Валентин Пикуль

Судьба баловня судьбы

Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры

Валентин Саввич Пикуль
Судьба баловня судьбы

Серия «Кровь, слезы и лавры», книга 43

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124938

*Пикуль В. Кровь, слезы и лавры. Исторические миниатюры: АСТ, Вече;
2002*

Аннотация

«Смолоду я питал особый интерес к Финляндии, самоучкой пробовал изучать финский язык. Помнится, я даже пытался переводить стихи Руненберга, но поэт Всеволод Рождественский (мой первый учитель, ныне покойный) отсоветовал мне их печатать...»

Валентин Пикуль

Судьба баловня судьбы

Смолоду я питал особый интерес к Финляндии, самоучкой пробовал изучать финский язык. Помнится, я даже пытался переводить стихи Руненберга, но поэт Всеволод Рождественский (мой первый учитель, ныне покойный) отсоветовал мне их печатать. С тех пор миновало много лет; я не изменил своим интересам, с любопытством вникая в финскую историю, а точнее – в финско-шведскую, ибо Финляндия с XIII столетия была захудалой провинцией королей Швеции. В одном из своих романов я вскользь коснулся судьбы баловня судьбы Густава-Морица Армфельта, теперь хотелось бы рассказать о нем поподробнее.

Издавна принято думать, что шведы, под стать природе своей страны, народ угрюмый, деловито-разумный в словах и поступках, лишнего они не скажут, а пустяками не занимаются. Может, в этом и есть доля истины. Но если бы заглянуть в Стокгольм конца XVIII века, нам могло бы показаться, что мы попали в легкомысленный Версаль, где порхают амуры над газонами, а ленты Гименея чаще рвутся, нежели скрепляют сердца людей.

Жизнь и карьера Армфельта оказалась сопряжена с Россией, и настолько тесно, что он попал даже на страницы «Советской Исторической энциклопедии», где ему посвящена

отдельная статья, а до революции в России вышла об Армфельте целая монография. Но жизненный путь этого человека, осыпанный не только розами, но и устланный терниями клеветы и проклятий, настолько необычен, что поначалу даже не знаешь, как к нему подступиться, где начало его удивительной судьбы.

Начнем со свадьбы! В 1785 году король Густав III чересчур пышно праздновал бракосочетание своего любимца Армфельта со знатной девицей из рода Делагарди, которую потом в России именовали Гедвигой Понтусовной. Счастливой невесте было 20 лет, и она безмерно гордилась своим будущим мужем, красота которого была равна его военным и дипломатическим талантам. Новобрачные сидели на высокой балюстраде, а под ними развернулась красочная картина церемонии, почти театральной. Свадебный ритуал завершала кавалькада всадниц, составленная из юных фрейлин королевы. Но вдруг...

Вот эти роковые «вдруг», так часто случающиеся в истории, иногда способны изменить развитие самой истории, даже самой пристойной. Вдруг из кавалькады всадниц вырвалась одна из наездниц в костюме сказочной нимфы. Крупным галопом, словно драгун, она подскакала к балюстраде и вздыбила коня перед женихом, с вызовом трянув головою, отчего ветер растрепал ее длинные, как у русалки, волосы. Ее плечи обнажились.

– Кто эта дерзкая? – спросила невеста.

– Магдалина Руденшольд, – мрачно ответил Армфельт...

Впечатление от красоты наездницы было столь сильным, что прямо от свадебного стола, презрев все законы приличия, Армфельт бросился искать Магдалину, и в эту же ночь она распахнула ему свои пылкие объятия. Гедвига Делагарди была оскорблена и рыдала, а король спрашивал придворных:

– Куда же делся мой любимый Армфельт? Если он решил переиграть свадьбу, так мог бы сделать это и завтра... Нельзя же так бесстыдно нарушать мое торжество!

«Впрочем, – замечает шведский летописец, – это никого не смутило: в то распущенное время при шведском дворе Густава III бывали и не такие еще случаи...»

Другой историк, Ингвар Андерссон, писал: «Трудно дать единую картину того времени, когда переплетались мрак и свет, нужда и роскошь, новые и старые... идеи». Пока в Стокгольме двор короля потешал себя карнавалами, Швецию из года в год постигали неурожай, народ вымирал от голода, а король пускал запасы хлеба на выделку дешевой водки, чтобы его казна не пустовала. Толпы нищих бродили по улицам городов, вымаливая под окнами милостыню, а продажные ученые доказывали Густаву, что водка – «лучшее лекарство для бедняка». Этот период шведской истории получил название «эпоха казенного пьянства».

Но близилась Французская революция, идеи которой восхищали молодых шведов. Финский патриот Магнус Спренг-

портен основал тайный «Орден Валгаллы», желая, чтобы Финляндия обрела независимость. Армфельт, сам уроженец Финляндии, знал нужды своей бедной родины, и потому, невзирая на дружбу с королем, охотно соглашался со словами Спренгпортена:

– Мы стали военной добычей викингов, а когда наши жалкие покосы и пашни вытаптывали в войнах Швеции с Россией, финны страдали одинаково – как от победителей, так и от побежденных. Даже голод в Финляндии страшнее голода в Швеции!

– Будьте осторожны, – предупреждал Армфельт, – иначе ваша голова будет положена в гробу между ваших ног...

В секретном кабинете своего замка Густав III однажды принял Эренстрема, поручая ему разведать о состоянии русских войск в Прибалтике. «Во время этого разговора, – писал Эренстрем, – Армфельт высунулся посмотреть, кто был в комнате. Кажется, это не понравилось королю, так как он сказал: „Это нехорошо, барон Армфельт слишком умен и угадает причину, почему вы со мною...“ Армфельт, конечно, догадался, что его друг-король готовит войну с Россией, дабы громом побед на Балтике подавить недовольство в народе, а заодно расправиться с оппозицией в дворянстве... Армфельт намекнул:

– Не слишком ли мрачны виды на будущее, король?

– Возможно! – согласился Густав III. – Но я не боюсь участи своего достославного предка – короля Карла Двенадцата

того, которого пристрелили в траншеях под Фредриксхальде...»

Война началась в 1788 году, когда Россия сражалась на юге с Турцией, и казалось, что с открытием второго фронта на севере Европы русские капитулируют. Но шведы говорили: «Наш король сошел с ума! Его, как Эрика XIV, нужно посадить в замок финского Або, откуда не следует выпускать». Офицеры перестали кланяться королю, уходили из армии в отставку. «Орден Валгаллы» сеял на фронте листовки, призывая солдат не повиноваться приказам, не нарушать рубежей с Россией... Военное единоборство соседей не принесло Густаву III лавров: шведы воевать не хотели, а русским совсем не хотелось бить их. В мемуарах «Капище моего сердца» князь Иван Долгорукий, тогда офицер, описывал, как вечерами шведы и русские встречались у костров, распивая шампанское, о войне напоминали караулы, стерегущие эти проявления «дружбы» со взведенными курками пистолетов. Армфельт в одной из стычек получил от русских пулю в плечо; он не скрывал от короля, что уже вступил в переписку с русским командованием об условиях мира:

– Не забывайте, что я тоже финн по рождению, и мне ли осуждать офицеров, перешедших служить под русские знамена.

– Это предатели! – заявил король.

– По отношению к вам, – уточнил Армфельт, – но, предав вас, они не предавали родины. Поищите врагов в своем

доме...

Намек касался брата короля, герцога Карла Зюдерманландского: видя, как шатается престол под его братом, герцог не мешал оппозиции, втайне надеясь на падение Густава III, чтобы самому воссесть на престоле древней династии Ваза.

В 1790 году Стокгольм запросил у России мира.

– Вот и поезжайте в Верель, – указал король.

Верель – финская деревушка на берегу пенистой Кюмени, где барон Армфельт представлял Швецию на мирных переговорах. Он не выразил никаких требований к России, соглашался оставить Кюмень пограничной рекой, просил о насущном:

– Откройте свои порты на Балтике для наших коммерческих кораблей, чтобы Швеция и Финляндия могли беспешинно закупать русский хлеб, дабы накормить всех голодных...

М и р! Эренстрем писал: «После обеда русские офицеры чуть не задушили нас своими объятиями», они свободно шлелись по шведскому лагерю, а шведы запросто лезли в палатки русских солдат, среди которых было немало башкир и калмыков. Здесь же, в суматохе банкетов и возгласов ликований, бродил, никем не узанный, сам король Густав III, скрываясь под скромным сюртуком, надвинув на глаза шляпу с широченными полями.

– Мост уже перекрашивают, – шепнул он Армфельту...

Русскую сторону моста на Кюмени побелили, а шведскую

расписали цветами национального флага. Екатерина II была очень довольна миром, развязавшим Петербургу руки на севере, чтобы вся мощь России могла обратиться против султанов. Потому она щедро отсыпала 3000 червонцев в бриллиантовую табакерку.

– Отдайте Армфельту! Я не удивлюсь, – сказала императрица, – если он попросит у меня орден Андрея Первозванного. Буду откровенна: я выписала для него секретный вексель на десять тысяч рублей – пусть транжирит их со своей нимфой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.